ные знаки иные в сем народе особливые и ему только знаемые, другие другого народа собственные и от него токмо ведомые. Сие то ж, что и каждый народ имеет особливо свой себе язык и что столько разных языков в свете, сколько в нем обитает разных народов». Понятия, основы мышления общи всем народам; но каждый народ напечатлевает в своем языке свой способ мышления, свой аспект тех же единых понятий; и самый словарь народа различает его собственные элементы от пришлых и общечеловеческих. Здесь, в более раннем произведении, выразилось характерное для Тредиаковского сплетение методов и типов мышления: самое «Слово о витийстве» — это латинская речь, написанная и построенная по канонам поздневозрожденческой схоластики; концепция единства основ мышления и языка всех народов обща и Возрождению, и классицизму, а стремление обосновать дифференциальные признаки национальной речевой культуры ведет нас к идеям, подтачивающим господство классицизма.

2

Сам Тредиаковский, трудясь денно и нощно с неусыпным прилежанием, *тщился защитить национальное достоинство русской* культуры перед лицом ее западных собратий. В рассуждении «О первоначалии россов» он усердно оспаривает мнения немецких ученых о неславянском происхождении «россов»: «Что за повсюдное Байерово тщание, приставшее от него, как прилипчивое нечто, к некоторым его ж языка здесь академикам, чтоб нам быть или шведами, или норвежцами, или датчанами, или германцами, или готфами, только б не быть россианами?». Исконность русско-славянской государственности Тредиаковский стремился научно доказать и в «Рассуждении о варягах русских». В начале этого рассуждения он так сформулирует свой тезис по этому вопросу, уже тогда сильно волновавшему русскую науку: «Усмотрев... историческую достоверность в наших и в других искреннейших повествователях и также утвердившись на ней и оградившись ею, дерзаю здесь предложить и по мере ума моего и сил всем повествованием ясно показать, что именовавшиеся варяги и те руссы, а следовательно, великие князи, самодержавствовавшие в России и пришедшие в Новгородскую державу с начала от варяг, имели название сие славенское, род их был славенский и вещали они языком всеконечно славенским». Заканчивает свой труд Тредиаковский так: «Твердо по всему и есть непреоборимо: варяги руссы, а от них прибывшии царствовать государи наши в великую Россию были звания славенского, рода славенского и славенского языка, крепко и непреодолимо есть: все россы, а особливее северныи, не были ни даняне, ни свеи, ни норвежане, ни скандинавляне, ни германцы, вне пределов Германии пребывавшии, но россияне собственно так нарицаемыи, ныне издревле».